

ПОДБОРКА 10

Когда мы сдирали обои, открылся слой
газет за какой-то лохматый, советский год.
Там шрифт был свинцовый, тяжёлый, как перегной,
и кто-то в углу начеркал: «Антоша – скот».
Мы стали читать эти стены, забыв про клей.
История проступала пятнами, как лишай.
Смотри, мы хотели сделать всё поскорей,
почище, но ты этот слой пока не счищай.
Ведь если подумать, мы держимся на соплях
вот этих газет, на клейстере из муки,
на чьих-то чужих, забытых уже рублях,
и на тепле шершавой, сухой руки.
Давай закатаем всё в новый, цветной винил,
в красивый, моющийся, стерильный, чужой уют.
Чтоб никто не увидел, и никто нас не обвинил,
что мы живём там, где больше уже не живут.
Но ночью, когда остывает бетонный свод,
и слышно, как лифт считает свои этажи,
мне кажется – этот Антоша вот-вот войдёт
и спросит: «Ну как вы тут, будущего миражи?»

Шестигранник скользит в потной ладони, как рыба.
На схеме «А» он четко входит в отверстие «Б».
Инструкция – это карта идеального мира,
где всё по любви, по уму. Галимый кликбейт.
Но здесь, на полу, среди опилок и пенопласта,
вступает в силу закон противодействия тел.
Этот шуруп – диссидент, он из другой касты,
он не хочет туда, куда ты его вертел.
Он и есть этот допуск. Погрешность. Зазор в расчетах.
Деталь, что не лезет в паз, как ты - в этот век.
Мы все здесь немного шурупы на странных работах,
что крутятся вхолостую, замедляя бег.
И шкаф будет крив. И дверца провиснет к лету.
И лишняя гайка обнаружит себя при ходьбе.
Ты всё сделал правильно. Просто инструкции нету
к этой, сорвавшей резьбу, судьбе.

В самом центре, где заканчивается асфальт
и начинается глина, смешанная со снегом,

кирпичный дом скрипит, как древний альт,
на котором ветер играет ночами с разбега.
Здесь время не лечит, а учит смотреть в окно,
различая оттенки серого в зимней жиже.
Соседка сверху опять пролила вино,
или это закат стекает по крыше ниже.
Ты стоишь у подъезда, нащупывая ключи,
и чувствуешь: мир прекрасен, могуч, огромен.
Но кто-то большой, невидимый, там, в ночи,
уже подключил тебе заграничный роуминг,
и связь не прервётся, пока остывает ТЭЦ,
что лопнула, как дешёвая зажигалка.
А небо стрижет своих ледяных овец,
и шерсти летящей ему для тебя не жалко.

Когда вскрывают вены теплотрасс
и пар стоит над ямой, как над баней,
ты понимаешь: это город нас
согреть пытался, износившись ранее.
В свои дома, где слишком уж свежо,
мы всё спешим, ища обломки лета,
пока врачи латают старый шов,
мерцая вдаль в оранжевых жилетах.
И этот пар, летящий в никуда,
в сырой ноябрь, в простуженное небо -
не котловая мертвая вода,
а коммунальное уютное плацебо.

Актёрский зал выдыхает запах дешёвой пудры,
сменной обуви, лака для волос и детского пота.
Праздник имеет свой срок годности, и под утро
от него остается только эта, грязная работа.
Женщина со шваброй, как Харон в синем халате,
двигается по реке линолеума, считая конфетти.
Ей не платят за радость, ей вообще мало платят,
ей нужно помыть полы и к пяти уйти.
А они лежат на паркете – красные, желтые, синие, –
как огромные икринки, не давшие жизнь малькам.
В каждом из них заперт выдох, который был сильным,
но теперь он просто мешает чужим ногам.
«Кто заберет?» – звучит в чате родительского комитета
как угроза, как просьба, как сбой в системе вещей.
Никто не берет. Слишком громкого цвета
эта радость для наших серых, в общем-то, площадей.

И тогда один, зацепившись боком за ножку стула,
лопается с сухим и коротким хлопком, как выстрел.
Женщина вздрагивает. Она так и не отдохнула.
Мусор остался. А праздник ушел. Быстро.